

МАРТОВСКИЕ И АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ 1917 года

(ИЗ ВОСПОМИНАНИИ УЧАСТНИКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

С. И. Гоннер

Февральская революция 1917 г. застала меня в екатеринославской тюрьме. В ночь на 2 февраля, то есть почти за месяц до революции, произошли повальные обыски и аресты. Была арестована вся верхушка нашей екатеринославской организации.

Против всякого ожидания нас освободили очень скоро. В солнечное утро 4 марта, во время прогулки на тюремном дворе, мне внезапно было приказано идти обратно в камеру. На мой недоуменный вопрос стражник сообщил, что мне надо собирать вещи, так как меня освобождают. Я подумала, что он просто издевается надо мной. Что случилось? И вот, подымаясь с вещами в кабинет начальника тюрьмы, я встретила нескольких товарищей, которых также освобождали. На лестнице они успели шепнуть мне, что в Петрограде произошли крупные события, что, по слухам, царя принудили отречься от престола. Только вернувшись домой, я узнала от товарищей некоторые подробности.

После первых телеграмм о событиях в Петрограде (образование Комитета Государственной думы, отречение Николая II и т. д.) в городе образовался «Комитет представителей общественных демократических организаций» во главе с лидерами буржуазных партий. Большевики начали тесно сотрудничать с этим комитетом, выступая на его заседаниях как «рабочая группа».

К моменту переворота наша большевистская организация пришла, не имея общегородского руководства. Она еще не оправилась после арестов 2 февраля. Инициатива оказалась в руках меньшевиков.

В первые дни меньшевики созвали совещание из представителей различных касс, кооперативов, ремесленных организаций, союза торгово-промышленных служащих и заводов; на нем присутствовало и несколько большевиков. Совещание выделило «Временную комиссию» из 15 человек и призвало рабочих к выбору Совета.

Об активности большевистской организации мне в тот вечер стало известно только то, что в городе распространяется листок с большевистскими лозунгами, среди которых выделялся лозунг «Долой войну!».

Именно в связи с этим лозунгом меньшевики обнаружили свою предательскую натуру в первые же дни революции. На первом заседании «Общественного комитета» представители буржуазии грозным тоном запросили у лидеров меньшевиков, кто посмел выпустить такой листок. Большевики угодливо ответили, что выпущен он, наверное, «провокаторами». Лишь один из меньшевиков, Петр Орлов¹, заявил, что ничего провокационного в листке нет, что можно спорить о его своевременности, но «лозунги и мысли в нем все социал-демократические». Однако лидеры меньшевиков, не смущаясь присутствия представителей буржуазии, стали опровергать Орлова, не посчитавшись даже с тем, что он был выдвинут ими же в председатели Совета.

¹ В годы гражданской войны Орлов вступил в нашу партию.

Итак, самодержавие свергнуто! Трудно было сразу свыкнуться с этой мыслью. Весть о свержении самодержавия вызвала неопишное ликование трудящихся, особенно рабочего класса.

В самом Екатеринославе никаких революционных боев в буквальном смысле слова в эти дни не было. Никто ни к каким боевым действиям рабочих не призывал. А меньшевистско-эсеровские лидеры и буржуазная пресса призывали к спокойствию и «сохранению порядка». Все это создавало атмосферу пассивного ожидания.

Хотя революция застала нашу партийную организацию обезглавленной, на всех первых заводских митингах выступали рабочие-большевики, противопоставлявшие меньшевикам нашу позицию. 2 марта начались выборы в Совет. И на выборных собраниях также выступали большевики, выдвигались большевистские кандидатуры.

С первых же дней революции рабочие Брянского завода (ныне завод имени Петровского), как и до революции, выделялись как авангард екатеринославского пролетариата. Это выразилось, в частности, в том, что в отличие от многих других заводов брянцы не послали приветствия Временному правительству, проявив в этом вопросе острое классовое чутье.

Что касается Екатеринославского комитета нашей партии, то он до 5 марта фактически еще не существовал. А между тем в последний предреволюционный год екатеринославская организация была очень сильной. Когда весной 1916 г. после возвращения из эмиграции я выступала на многих собраниях Заводского, Железнодорожного и Городского районов Екатеринослава с докладами о войне и о циммервальдском движении, я вынесла впечатление о высоком политическом уровне екатеринославской партийной организации. Партийный актив хорошо ориентировался в международной обстановке, занимал ленинскую позицию по отношению к войне, вел большую печатную и устную агитацию в духе последовательного интернационализма.

Мне тогда бросились в глаза большие перемены в условиях нашей подпольной работы. Поразила сравнительная многолюдность собраний и особенно нередкое участие в рабочих собраниях людей, одетых в военную форму, — солдат, а иногда и младших офицеров — картина, немислимая в прошлые годы.

Среди руководителей партийной работы в 1916 г. я застала сильные кадры, почти исключительно рабочих. Здесь работали видные руководители общегородской организации В. Валявка, Т. Бондарев, они же руководили партийной организацией Брянского завода. В городе работал еще молодой, но уже закаленный и энергичный Л. М. Каганович («Борис») — член общегородского и районного комитетов, тесно связанный с партийным активом заводов. В городском районе выделялся юноша-переплетчик по имени Наум («Варлен»).

Большую работу проводил законспирированный партийный коллектив Брянского завода. Этот коллектив был замечателен тем, что, несмотря на сильный полицейский террор, просуществовал все годы от первой до второй русской революции.

Накануне февральской революции в его состав входили брянцы Т. Бондарев («Дедушка», «Отец»), М. Переславский («Мирон Брянский»), И. Шалухин, А. Сериков, И. Кураженко, М. Шейнин, А. Коненко, Карташев, Рыков, Рухман, П. Яшин, Гонтарь, Дербасов и др. В коллективе были представлены все цехи. Н. Копылов («Мартын») и С. Гопнер были введены в коллектив как руководители общегородской партийной работы. За Днепром, в Амур-Нижнеднепровске, была партийная организация, где работали главным образом среди железнодорожников Д. Лебедь, А. Скворчевский, С. Власенко, С. Кошелев, братья Ключко, П. Воронцов, Андрей Новиков и др.

В декабре 1916 г. мы провели общегородскую конференцию, конеч-

но, в глубоком подполье, в селе Диевке. Аресты в ночь на 2 февраля настолько обессилили организацию, что через месяц она встретила революцию в состоянии распыленности.

Только 5 марта было создано первое в новых условиях полуоткрытое собрание актива нашей организации. Мы еще не освоились с тем, что конспирация больше не нужна. Это собрание слабо запечатлелось в моей памяти. Согласно сохранившемуся протоколу², оно представляло 36 партийных групп и 334 члена партии и объявило себя конференцией. Делегат Донецкого бассейна представлял 500 членов партии.

На этой конференции 5 марта был избран первый после переворота Екатеринославский комитет нашей партии. В его состав вошли: Т. Бондарев, Н. Копылов, С. Гопнер, М. Шейнин, А. Войсехович, П. Яшин, М. Переславский, Наум («Варлен»), остальных не помню. Пространная резолюция этой конференции, а также принятый ею наказ депутатам-большевикам в Совете полностью отражали нашу позицию в это время. Мы отстаивали наши старые три основных лозунга: 8-часовой рабочий день, земля народу, демократическая республика. Что касается новых задач, поставленных революцией, то они выражены были в призыве принять самое активное участие в выборах в Советы и всячески укреплять их. Но до появления Апрельских тезисов Ленина мы еще не выставляли лозунга Советской власти, хотя и говорили о борьбе за власть. Мы популяризировали лозунг борьбы против империалистической войны путем углубления революции, доказывая, что только завоевание власти рабочим классом положит конец войне. Агитация большевиков, проникнутая идеями пролетарского интернационализма, была резко противопоставлена меньшевистским и эсеровским лозунгам, проникнутым «социал-патриотизмом», оборончеством и соглашательством. Вопрос об отношении к войне был главным водоразделом между нами и меньшевиками. После опубликования Апрельских тезисов Ленина в центре нашей агитации стал вопрос о власти, с которым мы связывали вопросы о войне, о земле, о социализме.

С первых дней заседаний пленумы Совета и исполкома, а также разные выделенные Советом комиссии стали ареной острых схваток между нами, с одной стороны, и мелкобуржуазными партиями — меньшевиками, эсерами и националистическими партиями, — с другой.

Совет рабочих депутатов первого созыва собрался вечером 5 марта в здании научного общества, на Чечелевке. Скоро Совет занял дом бывшего губернатора. В Екатеринославском Совете первого созыва нас, большевиков, оказалось меньшинство: сначала 14 депутатов, а в дальнейшем — 42. Всего же в Совете депутатов было больше 350. После вторых выборов число наших депутатов составляло меньше половины. И только третьи выборы, в декабре 1917 г., дали нам большинство в Совете.

После первого собрания Екатеринославского Совета мы собрали большевистских депутатов и образовали большевистскую фракцию Совета.

Одним из первых мероприятий Совета была ликвидация охранного отделения. Когда нам сообщили, что здание охранки горит, мы сначала считали этот пожар случайностью, хотя и подозрительной. Но вскоре мы узнали, что по всей России жандармы при активной помощи провокаторов организовывали пожары охранных отделений с целью спасти себя от революционного правосудия. Мне пришлось быть свидетелем, как в течение нескольких дней приводили в Совет провокаторов с поднятыми вверх руками под стражей вооруженных рабочих.

Совет организовал специальную комиссию, которая судила провокаторов. От нашей большевистской организации в эту комиссию вошел член Екатеринославского комитета Б. Ройзенман. Мы знали его как че-

² «История КП(б)У в материалах и документах». Выпуск другий. 1934, стр. 67—71.

ловека строгой революционной морали, очень твердого и решительного. Однако его участие в суде над провокаторами не помешало тому, что комиссия, возглавляемая меньшевиками, выносила провокаторам смехотворно мягкие приговоры, чаще всего — лишение избирательных прав до Учредительного собрания. Только самых злостных оставляли под арестом. Велики были еще благодущие, беспечность и отсутствие политической бдительности в эти первые недели и месяцы революции.

Одним из первых наших столкновений с меньшевистско-эсеровским большинством Совета был вопрос о «займе свободы», выпуск которого объявило Временное правительство. Борьба наша против этого займа сосредоточилась вокруг вопросов о войне, продолжение которой должен был облегчить этот заем. Меньшевистско-эсеровское большинство Совета одобрило этот заем, причем мотивировка была откровенно шовинистическая. Дискуссия по этому вопросу способствовала популяризации нашей интернационалистской, ленинской позиции в отношении войны не только в рабочих, но и в широких, еще политически сырых солдатских массах.

Острый политический бой в Совете наша партийная организация дала накануне «праздника революции». Под этим названием был отмечен по всей России день 12 марта. Этот день особенно важно было отметить как день братания армии с народом. С первых дней революции Совет солдатских депутатов существовал отдельно от Совета рабочих депутатов. При чем офицерство при поддержке буржуазных партий вело борьбу против объединения двух Советов — рабочего и военного. Только после долгой, трехмесячной борьбы нам удалось добиться их объединения.

В агитационной секции Совета возник спор о лозунгах на знаменах в день 12 марта. Кроме острых разногласий о характере лозунгов в отношении войны, бой разгорелся вокруг других большевистских лозунгов. Мы в комиссии к согласию, конечно, не пришли, и вопрос был перенесен на пленум Совета.

На пленуме Совета против нас выступила целая армия меньшевиков и эсеров. Но неожиданно представитель от армии, пришедший приветствовать Совет, заявил, что лозунг «Земля—крестьянам!» необходимо выставить, иначе за нами армия не пойдет. Вместе с тем тот же представитель армии согласился с меньшевиками, что 8-часовой рабочий день будет встречен в армии враждебно. Большинство Совета голосовало за «землю», но против «8-часового рабочего дня».

Через несколько дней пришло по телеграфу известие, что питерские рабочие явочным путем осуществили 8-часовой рабочий день и Петроградский Совет был вынужден его санкционировать. Тогда и в Екатеринославе началась энергичная борьба рабочих за осуществление 8-часового рабочего дня «захватным» путем.

День 12 марта, «праздник революции», ознаменовался 75-тысячной демонстрацией. Пришли также и рабочие Днепровского завода из Каменского. Демонстрация растянулась от заводских окраин до самой Соборной площади на горе, то есть на 5—6 километров. Многочисленные знамена с большевистскими лозунгами были подняты над колоннами большинства заводов. Однако борьба только началась, и в дальнейшем нам пришлось неустанно бороться за преодоление колебаний и неустойчивости отсталой части рабочих, а особенно солдатской массы.

Большое место заняла наша работа в двух полках — 271-м и 228-м, составлявших основную часть гарнизона. В этих полках служили и вели революционную работу наши товарищи А. Киселев, П. Воронцов, Б. Гринберг и др., которые вскоре возглавили военный отдел нашего партийного комитета.

В связи с тем, что мы буквально разрывались на части и не могли справиться с работой, один член нашего комитета предложил совсем отозвать меня из Исполкома Совета, так как, мол, «нам с меньшевиками не-

чего делать». Однако остальные товарищи, сознавая, что хотя мы в меньшинстве, но уходить оттуда нельзя, категорически отклонили это левацкое предложение. Несколько членов нашей организации как депутаты по решению комитета продолжали принимать активное участие в повседневной работе Исполкома и его комиссий. В дальнейшем оказалось, что комитет совершенно правильно разрешил этот вопрос, отвергнув левацкое требование отказаться от работы в Исполкоме. Ведь вокруг Совета сплачивались широчайшие массы рабочих крупнейшего промышленного центра. Хотя в Совете еще хозяйничали меньшевики и другие мелкобуржуазные партии, но влияние и авторитет большевиков в Совете были несравненно больше их количества и неуклонно росли.

Наиболее знаменательным в это время был высокий подъем движения рабочих на сторону всесторонней и всеохватывающей организации своих сил. На всех заводах выбирались заводские комитеты. По-новому, на более широкой базе строились профсоюзы и больничные кассы. Возникли кооперативы, всякого рода продовольственные организации. Создавались молодежные организации, организации учащихся и т. д.

И вскоре обнаружился такой характерный факт, что хотя в Совете первого и второго созыва мы, большевики, были в меньшинстве, но заводские комитеты все чаще шли за нами, поддерживая наши лозунги и наши предложения в Совете.

Вскоре мы обогатились могучим оружием завоевания масс. Недели через 2—3 после свержения царизма мы приступили к изданию большевистской газеты «Звезда», органа Екатеринославского комитета нашей партии. Выпуск первого номера мы приурочили к пятой годовщине Ленского расстрела. Всю ночь на 4 апреля мы, трое членов комитета, провели в типографии над выпуском первого номера газеты.

Когда весь тираж уже был напечатан и мы на рассвете начали распространять газету, телеграф принес известие о приезде Ленина из-за границы. Как же были мы рады этому известию и вместе с тем как были огорчены, что не могли поместить его в первом номере!

Мы поместили его уже с некоторыми подробностями во втором номере, который вышел через несколько дней. В этом же втором номере мы опубликовали горячее приветствие Ленину от общего собрания нашей организации. С того дня, когда буржуазная печать разнесла по всему миру грязную клевету о Ленине, мы в «Звезде» и в наших устных выступлениях изо дня в день давали отпор этой клевете, усиленно популяризируя имя Ленина.

Исторические Апрельские тезисы Ленина, которые наша «Звезда» немедленно перепечатала, создали поворот в жизни нашей организации, как и в жизни всей партии. Теперь мы больше не шли ощупью. Апрельские тезисы Ленина стали могучим источником нашего роста, источником силы революции.

В первых числах апреля в Екатеринослав стали возвращаться из ссылки товарищи, руководившие организацией в годы войны и арестованные в разное время в 1914—1915 годах. Приезд их создал сразу поворот к усилению нашей партийной работы. Основной состав нового комитета, избранного после их приезда, руководил екатеринославской организацией вплоть до Октябрьской революции, возглавлял борьбу за переход власти в городе в руки Совета.

Вот состав этого комитета: Г. И. Петровский, Э. И. Квиринг, В. К. Аверин, С. И. Гопнер, Н. И. Копылов, Я. Эпштейн (Яковлев), М. М. Бек, Б. Ройзенман, Н. И. Хавский, М. Жуковский («Мирон Трубный»), Гр. Григоренко³. В течение нескольких летних месяцев членом комитета и редактором «Звезды» был товарищ Быстрянский («Ватин»),

³ См. «Пятая годовщина Октябрьской революции». Сборник документов. Изд. Екатеринославского губкома КП(б)У. Екатеринослав. 1922, стр. 264.

старый большевик, присланный нам на помощь Центральным Комитетом партии.

Ярко сохранились в памяти поездка на VII Апрельскую конференцию нашей партии и подробности работы этой исторической конференции.

Мы вдвоем, делегаты Екатеринославской большевистской организации⁴, избранные на эту конференцию общим партийным собранием, выехали из Екатеринослава вечером 18 апреля (по старому стилю, а по новому — 1 мая). Это был день грандиозных первомайских демонстраций по всей России, которые впервые происходили в условиях свободы и впервые не по старому, а по новому календарю. Прямо с демонстрации и с митинга на Соборной площади мы отправились на вокзал. Мы, как только очутились в вагоне, попали в ту же обстановку нескончаемых дискуссий, с которой уже свыклись в Екатеринославе. И в нашем и в соседних вагонах днем и ночью шли страстные споры между сторонниками разных партий. Но о чем бы ни говорили, наибольшие споры разгорались вокруг большевиков и особенно вокруг имени Ленина.

Еще не доезжая Москвы, мы узнали, что в Петрограде разразились новые крупные события, что происходят выступления рабочих и солдат против Временного правительства. Это был первый кризис Временного правительства, как известно, вызванный нотой министра иностранных дел Милюкова.

В Москве на улицах мы были свидетелями трагедии Ленина. Товарищи из Московского Совета, выдавая нам талоны на обед, предупредили о двух вещах: 1) к обеду хлеба не дают (обе столицы голодали), 2) в ресторанах мы не должны обнаруживать себя большевиками, так как большинство хозяев ресторанов отказывает большевикам в продаже обедов.

На улицах Петрограда мы встретили большие колонны антиправительственных демонстраций рабочих и солдат, на знаменах которых были лозунги: «Долой Милюкова и Гучкова!», «Вся власть Советам!». На Невском мы встретили довольно жидкую колонну студентов, офицеров и «прилично» одетой публики, демонстрировавших под лозунгами поддержки Временного правительства.

Во дворце Кшесинской, где помещался аппарат ЦК и ПК нашей партии, нам сообщили, что в связи с событиями Центральный Комитет заседает непрерывно и что открытие конференции отложено на два дня. Делегатам предложили отправиться на заводы для разъяснительной работы среди рабочих.

Мы были свидетелями, как во дворец Кшесинской явилась делегация кронштадтских матросов и усиленно предлагала от имени Кронштадтского Совета прислать охрану, а если нужно — целую флотилию для охраны Центрального Комитета. Работники ЦК с трудом убедили кронштадтцев этого не делать, уверив их, что в Петрограде найдется кому охранять ЦК.

Возвращаясь вместе с одним товарищем с митинга на заводе, мы долго бродили по улицам, обсуждая события дня. Мы не заметили, что уже наступала ночь, и спохватились лишь часов в 11 вечера, что у меня не обеспечена ночевка (партия еще не обладала такими возможностями, чтобы организовать общежитие для всех делегатов или снять номера в гостинице). Мой спутник отвел меня к своим друзьям. Оказалось, что мы попали на квартиру Ворошиловых. В обществе К. Е. и Е. Д. Ворошиловых, в их маленькой, скромной квартире я прожила все дни, пока работала Апрельская конференция.

В одно прекрасное утро во время чаепития в квартиру Ворошиловых ввалилось пятеро великанов в военной форме. То была делегация Измай-

⁴ Делегатами были Н. Копылов и С. Гопнер.

ловского гвардейского полка, куда Климент Ефремович был прикреплен как член Петроградского Совета. Измайловцы просили Ворошилова выступить с докладом о происходящих событиях. Получив его согласие, делегаты просили его прислать докладчика, который рассказал бы им, кто такой Ленин. «Солдаты требуют, чтобы им обстоятельно рассказали все о личности Ленина. Должны же они наконец узнать правду о нем, ведь среди них ведется днем и ночью агитация против Ленина». Климент Ефремович указал на меня как на докладчика о Ленине.

До сих пор воспоминание о нашем совместном выступлении в необъятной казарме Измайловского полка, до отказа заполненной солдатской массой, остается для меня одним из самых забываемых.

Слушая доклад Ворошилова, я думала: «Какая же чудодейственная сила в большевистской правде, в ленинских идеях и лозунгах!» Вот стоят многие сотни солдат отборных частей царской армии, ежедневно отравляемой ядом шовинизма и демагогии. Они молча, затаив дыхание, слушают рабочего человека, говорящего просто, но взволнованно и гневно о войне, о ноте Милюкова, империалистической политике Временного правительства, о невозможности выйти из войны без перехода власти в руки трудящихся. Большевистская правда проникает в самую душу каждого слушателя. Своим светом она вносит уверенность и решимость в разбуженное революцией сознание каждого, даже самого отсталого солдата, организуя его волю к борьбе и победе.

В своем докладе о жизни Ленина, его роли в революции я, учтя, что аудитория в большинстве своем крестьянская, подробно изложила ленинский план разрешения аграрного вопроса, волновавшего эту аудиторию не меньше, чем вопрос о войне.

Собрание закончилось принятием резолюции, отражавшей нашу позицию. Затем полковой комитет от имени всех измайловцев обратился к Ворошилову с просьбой передать приглашение Ленину и другим видным большевикам приехать и выступить перед полком.

Перед открытием VII Апрельской конференции нашей партии на предварительном совещании был согласован проект порядка дня и другие организационные вопросы. В начале своей работы конференция обратилась с приветствием к Карлу Либкнехту, который в то время сидел в тюрьме. Когда в зале появился Ленин, всех охватила неопишуемая радость. Собрание по предложению одной из делегатов приветствовало Ленина как вождя нашей партии и как вождя революции. Такое приветствие, как и раздавшиеся бурные аплодисменты в ответ, были тогда еще новшеством в партийных обычаях.

Настроение было приподнятое и праздничное. Внешне многие товарищи казались сильно помолодевшими. Впервые после десятков лет нелегальщины партия собралась не за границей, не в глухом подполье, а в России, в условиях свободы. Однако травля большевиков заставила частично соблюдать конспирацию. Место заседания конференции в печати не сообщалось, и после предварительного совещания работа конференции была перенесена из дворца Кшесинской в другое помещение — в здание Высших женских медицинских курсов.

Делегаты в большинстве были люди, только что вернувшиеся из ссылки, тюрьмы, каторги или эмиграции. Многие уже обогатились опытом первых двух месяцев революции. Встретились товарищи, связанные общей борьбой в годы первой русской революции, но оторванные на много лет друг от друга полицейскими преследованиями. В тот момент мысли всех были устремлены вперед в предчувствии грядущих исторических битв.

Порядок дня Апрельской конференции отражал великие исторические задачи партии в борьбе за завоевание власти рабочим классом, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В эти дни особенно изумляло в Ленине сочетание самого высокого уровня научного подхода к анализу происходивших событий, бесстрашия мысли, смелых перспектив и высокого мастерства революционного практика, свободного от всякого «витания в облаках».

Как известно, Апрельским тезисам, иначе говоря, ленинскому плану подготовки социалистической революции, на конференции была противопоставлена платформа оппозиции, выставившей содокладчиком Каменева, оппортунизм которого был уже давно известен партии. Постановка содоклада выплыла на конференции не совсем неожиданно. Известно, что незадолго до конференции Каменев выступил в «Правде»⁵ против тезисов Ленина. Мы знали, что дискуссия вокруг тезисов Ленина на Петроградской партийной конференции дала победу ленинской позиции. Было также известно, что кое-где были выступления против тезисов Ленина. Например, Киевский комитет во главе с Пятаковым проголосовал против этих тезисов. Однако это антиленинское решение комитета было отменено общим собранием Киевской организации, одобрившей Апрельские тезисы Ленина.

Спор между Лениным и каменевской оппозицией был спором о жизни и смерти пролетарской революции: держать ли курс на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, подготовить свержение господства буржуазии и переход власти в руки рабочего класса, то есть в руки Советов? Или ограничить задачи партии укреплением буржуазно-демократической революции, исходя из того, что Россия для социалистической революции еще не созрела? Верны ли были лозунги Ленина: «Никакого доверия Временному правительству» и «Вся власть Советам» — или верна была позиция Каменева, ограничивавшего роль Советов давлением на Временное правительство и контролем над ним? Вот какой вопрос стоял перед партией в этот момент.

Нота Милюкова 18 апреля (1 мая) 1917 г., которая означала продолжение войны, разоблачила Временное правительство перед широкими массами как правительство империалистическое. Эта нота не оставила сомнений в том, что, безусловно, прав Ленин, предостерегавший против доверия этому правительству. Вместе с тем еще не созрел момент для его немедленного свержения.

Каменевская оппозиция пыталась использовать против Ленина авантюристическое выступление члена Петроградского комитета большевиков Богдатыева. Не согласовав своих действий с Центральным Комитетом партии, Богдатыев распространил в массах листок с призывом немедленно свергнуть Временное правительство. Хотя Центральный Комитет сразу же исправил серьезную ошибку Богдатыева, каменевская оппозиция пыталась нажить политический капитал на этой ошибке. «Каменев ловко сел на конька об авантюризме»⁶, — говорил Ленин.

Руководимая В. И. Лениным, Апрельская конференция проявила большую выдержку в борьбе на два фронта — против капитулянтов справа (сторонников Каменева) и против путчиков слева (Богдатыев и др.). Упорная, терпеливая подготовка к переходу всей власти к Советам, с одной стороны, и от этого ни шагу назад! Борьба с путчи́змом, с анархистскими действиями, против «богдатыевщины», — с другой! — такова была позиция Ленина.

Характерно также следующее: хотя Ленин направил главный огонь против каменевской оппозиции, особенно против политики поддержки Временного правительства, беспощадно разоблачая его буржуазную природу и империалистическую политику, он вместе с тем заявил, что не согласен с преждевременной оценкой этого правительства как правитель-

⁵ См. «Правда», № 30, 12(25) апреля 1917 года.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 214.

ства контрреволюционного⁷. Такой оценки требовали отдельные делегаты Москвы. В своей резолюции по этому вопросу Апрельская конференция приняла ленинскую характеристику Временного правительства как правительства помещичье-буржуазного и империалистического, но отвергла его оценку как контрреволюционного, поскольку на том этапе оно еще не применяло насилия для подавления революционных масс.

Работоспособность и энергию Ленина в эти дни трудно себе представить. Ленин поспевал всюду. Ленин — докладчик по важнейшим вопросам повестки дня, участник прений, он же автор проектов большинства резолюций конференции. Ленин руководит всей работой конференции, участвует в работе комиссий, переходит из одной в другую и в течение получаса или больше активно участвует в работе каждой. А между тем это были дни, когда широкие массы вышли на улицу, и Ленину приходилось реагировать на каждое новое событие.

Ленин выступал на конференции больше 20 раз. Между 3 и 7 мая он ежедневно помещал в «Правде» от 3 до 6 статей (или проектов резолюций) на разные темы. Все время в перерывах за ним ходили большими группами делегаты, жаждавшие беседы с ним.

Один инцидент, оставшийся не замеченным многими делегатами и особенно подчеркивающий исключительные черты Ленина как несравненного реального политика, остался у меня в памяти. Еще до открытия конференции нам было ясно, что партия сплочена вокруг Ленина. Мы не сомневались, что конференция пойдет за Лениным. Но пока не было голосования хотя бы по одному из важнейших вопросов, трудно было определить, насколько сильна оппозиция, каков ее удельный вес. И вот итог первого голосования показал, что за оппозицией на конференции идут лишь единицы, что ее удельный вес ничтожен. С этой минуты Ленин перестал тратить время на споры в перерывах с отдельными представителями оппозиции и продолжал полемику с ними только на заседаниях конференции.

Делегатам бросилось в глаза, что Ленин проявил громадный интерес к докладам с мест. Доклады с мест были сначала поставлены в конец повестки дня. Но к этим докладам приступили раньше — во время дискуссии по общим вопросам. В дальнейшем дискуссия неоднократно чередовалась с докладами с мест. Ленин слушал доклады с мест с напряженным вниманием, пересаживался поближе к очередному оратору и нередко задавал вопросы отдельным докладчикам.

Запомнился его вопрос мне, когда я делала доклад о Екатеринославе. Я остановилась на вопросе о нашей борьбе за слияние двух Советов — рабочего и солдатского. Я сказала, что, борясь за это слияние и придавая ему громадное значение, мы вместе с тем опасаемся, что объединенный Совет будет нам навязывать голосами солдат неприемлемые для нас решения. Это мы видели на примере поведения представителей армии во время голосования по вопросу о 8-часовом рабочем дне в первые дни революции. Поэтому, сказала я, мы, борясь за это слияние, вместе с тем боимся, что после этого слияния Совет окажется в плену мелкобуржуазной стихии. Неожиданно я услышала совсем близко вопрос Ленина: «Почему же боитесь?» (Я думала, что его нет в зале.) И эти его три слова как-то сразу показали мне, в чем я неправа: ведь речь шла не о слиянии разных групп в партии, а о Советах, которые включали представителей разных политических направлений и были ареной нашей борьбы за укрепление союза рабочего класса и крестьянства и за ведущую роль рабочего класса в этом союзе.

Доклады с мест дали богатый материал против каменевской оппозиции. Эти доклады показали, что местные Советы проявили большую революционную инициативу, подчас большую, чем столичные Советы. Во мно-

⁷ См. «Протоколы Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б)». М. 1934, стр. 54.

гих промышленных центрах Советы фактически выполняли государственные функции (организация борьбы с голодом, вооружение рабочих, борьба с локаутами посредством передачи предприятий в руки рабочих, борьба с бандитизмом и т. д.). Эти особенности деятельности местных Советов подтвердили правильность ленинского курса партии на перерастание революции в социалистическую и на переход власти в руки Советов. Эти особенности отражены в содержании резолюции конференции по вопросу о Советах рабочих и солдатских депутатов и отчасти в других резолюциях.

Несмотря на крайнюю занятость, Ленин оставался все тем же внимательным товарищем, каким мы его знали раньше. Появившись впервые на конференции до ее открытия, он дружески пожимал руку то одному, то другому, и по обращенным к товарищам вопросам видно было, что он хорошо осведомлен о их жизни, знает, кто, где и когда был арестован, а также о состоянии здоровья отдельных товарищей и их работе.

Запомнилась мне одна характерная сцена. Войдя в перерыве в помещение столовой (в здании Высших женских медицинских курсов), мы увидели огромную очередь делегатов с жестяными кружечками в руках в ожидании получения горячего чая. Мы заметили, что эта очередь в одном месте пересекается накрест двумя другими очередями. Подойдя ближе, мы обнаружили, что добавочные две очереди образовались по правую и левую руку Ленина: это выстроились в две очереди делегаты, жаждавшие лично поговорить с ним. Сам же Ленин, с такой же жестяной кружечкой в руках, поворачиваясь то вправо, то влево, беседуя, ждал своей очереди, имея впереди себя еще десятка два — три ожидавших. Мы подбежали к Ленину и предложили ему сесть за столик, куда мы принесем ему чаю и где ему будет удобнее разговаривать с товарищами. Не тут-то было! Как и всегда, Ленин не хотел выделяться, ставить себя в привилегированное положение и не допускал, чтобы в быту его обслуживали товарищи.

Организатором работ конференции и правой рукой Ленина по руководству ею являлся Я. М. Свердлов. В организационной части ему помогала Е. Д. Стасова. Свердлов председательствовал на очень многих заседаниях. Хлопот у Свердлова было очень много. На него пала не только вся работа по приему делегатов, обеспечению их литературой, ночевками и питанием. Свердлов организовывал систематическую информацию делегатов о событиях в столице, а также о внутривластной борьбе. Свердлов на Апрельской конференции активно участвовал в борьбе за ленинскую позицию. Он успевал следить за прениями, организовывал комиссии и секции, следил за ходом дискуссии в них. В один из первых дней конференции Свердлов выступил с предложением всем делегатам разбиться на секции для того, чтобы более обстоятельно и в более широком коллективе рассматривать решения сравнительно малочисленных по своему составу комиссий. Предложение Якова Михайловича горячо поддержал Владимир Ильич, который раза два — три подчеркнул на конференции необходимость обсуждать столь важные вопросы без спешки и возможно обстоятельнее. По предложению Свердлова, конференция разбилась на 6 секций. Это мероприятие сыграло большую роль в более углубленном обсуждении вопросов, поднятых в дискуссии, и, несомненно, облегчило полный провал оппозиции и победу ленинской линии.

По нашим наблюдениям, Свердлов всячески оберегал Ленина от разной мелкой возни, которая неизбежно возникает в работе съездов и конференций. Помню такой эпизод. Во время работы комиссии по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов примчался Свердлов и запросил членов комиссии, у кого застрял оригинал проекта одной из резолюций, автором которой был Ленин. Своим густым, приятно

звучающим басом Свердлов говорил: «Товарищи, Ильичу очень нужна эта резолюция. Ильич ругается. Прошу немедленно ее разыскать и вернуть мне».

На Апрельской конференции я впервые увидела и услышала Сталина. Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ сделает информацию о вчерашнем ночном заседании Временного правительства совместно с представителями Петроградского Совета в Мариинском дворце. (Это было в дни, когда еще не был ликвидирован первый кризис Временного правительства.)

С информацией об этом совещании в Мариинском дворце выступил Сталин. В речи простой, отличавшейся четкостью и лаконичностью, Сталин очень красочно рассказал, как министры Гучков, Шингарев и Милюков ультимативно требовали прекращения большевистской агитации, обуздания солдат, крестьян и революционных рабочих, грозя отставкой. Факты, сообщенные Сталиным, хорошо иллюстрировали ленинскую оценку Временного правительства.

Как известно, дискуссия на конференции завершилась полной победой ленинской линии. Оппозиция собирала по каждой резолюции лишь от 7 до 11 голосов.

Решения Апрельской конференции вооружили партию программой подготовки социалистической революции. Делегаты уехали с конференции во много раз крепче подкованными теоретически и политически. Каждому из участников великих битв этого периода стали так ясны задачи, что вся партия пошла навстречу этим боям твердой, уверенной поступью.

На обратной дороге в Екатеринослав в ватонах царила та же атмосфера нескончаемого митингования и горячих споров. Но насколько мы были теперь сильнее наших противников!